

*О. Б. Каневская,
кандидат педагогічних
наук, доцент
Криворізький державний
педагогічний університет*

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЁМЫ САТИРЫ В ПРОЗЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА КАК ВЫРАЗИТЕЛИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ

Каневська О.Б. Мовленнєві засоби та прийоми сатири у прозі М.Є. Салтыкова-Щедріна як виразники аксіологічної картини світу письменника.

У статті охарактеризовано мовленнєві засоби та прийоми сатири у прозі М.Є. Салтыкова-Щедріна, які виражають аксіологічну картину світу письменника. Установлено, що за допомогою різноманітних прийомів сатири (експресивно-стилістична оцінка, полісемантизм слів, семантизація слова, гра слів, словотворчість і фразеологічне новаторство, взаємодія слів і висловів різних стилістичних систем та ін.) письменник оновлював традиційні зв'язки між словами, ускладнював смисловий обсяг слів, змінював у словах співвідношення основних і другорядних значень. Це новаторство в царині слововживання дозволило йому значно розширити та збагатити мовленнєві засоби сатири. Аксіологічну картину світу М.Є. Салтыкова-Щедріна складають лексико-фразеологічні одиниці суспільно-публіцистичного, науково-термінологічного, професійного, розмовного, церковнослов'янського та книжково-белетристичного характеру, які мають оцінний компонент значення або набувають його в контексті. Ціннісна система письменника в текстах його творів виражена за допомогою інакомовного мовлення — езопівського оповідання.

Ключові слова: комічне, сатира, цінності, оцінне значення, езопівське оповідання, аксіологічна картина світу, М.Є. Салтыков-Щедрин.

Каневская О.Б. Речевые средства и приёмы сатиры в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина как выразители аксиологической картины мира писателя.

В статье охарактеризованы речевые средства и приёмы сатиры в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина, выражающие аксиологическую картину мира писателя. Выявлено, что с помощью разнообразных приёмов сатиры (экспресивно-стилистическая оценка, полисемантизм слов, семантизация слова, игра слов, словотворчество и фразеологическое новаторство, взаимодействие слов и выражений различных стилистических систем и др.) писатель обновлял традиционные связи в соотношении слов, усложнял смысловый объём слов и видоизменял в словах соотношения их основных и второстепенных значений. Это новаторство в

области словоупотребления позволяло ему значительно расширить и обогатить речевые средства сатиры. Аксиологическую картину мира М. Е. Салтыкова-Щедрина составляют лексико-фразеологические единицы общественно-публицистического, научно-терминологического, профессионального, разговорно-просторечного, церковно-славянского и книжно-беллетристического характера, которые обладают оценочным компонентом значения или приобретают его в контексте. Ценностная система писателя в текстах его произведений выражена посредством иносказательной речи — эзоповским повествованием.

Ключевые слова: комическое, сатира, ценности, оценочное значение, оценка, эзоповское повествование, аксиологическая картина мира, М. Е. Салтыков-Щедрин.

Kanevska O. B. The speech means and methods of satire in M. E. Saltykov-Shchedrin's prose as mouthpiece of the axiological picture of the writer.

The article describes the speech means and methods of satire in M. E. Saltykov-Shchedrin's prose, expressing the axiological picture writer's world. It was revealed that with the help of various methods of satire (expressive-stylistic assessment, polysemantism of words, word semantization, pun, word creation and phraseological innovation, the interaction of words and expressions of various stylistic systems, etc.), the writer updated the traditional relationships in the correlation of words, complicated the semantic volume words and modified in words the ratio of their main and secondary meanings. This innovation in the field of use of words allowed him to significantly expand and enrich the speech means of satire. M. E. Saltykov-Shchedrin's axiological picture of the world is made up of lexico-phraseological units of socio-journalistic, scientific-terminological, professional, colloquially, church slavonic and book-fiction nature, which have an evaluative component of meaning or acquire it in context. The writer's value system in the texts of his works is expressed through allegorical speech — aesopian narrative.

Key words: comic, satire, values, evaluative value, evaluation, aesopian narrative, axiological picture of the world, M. E. Saltykov-Shchedrin.

Постановка проблемы. В современной филологии активно разрабатывается проблема аксиологической картины мира, в которой с помощью вербализированных средств отражается ценностная система носителей языка в целом, являющаяся частью языковой картины мира (см. работы Н. Д. Арутюновой, А. Г. Баранова, Е. В. Бабаевой, Г. И. Богина, А. Вежбицкой, С. Г. Воркачева, Г. Гачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Д. С. Лихачёва, И. П. Лысаковой, И. Ю. Марковиной, В. А. Масловой, Т. Н. Матвеевой, Ю. Е. Прохорова, О. Г. Розовой, Э. Сепира, Г. Г. Слышкина, Ю. А. Сорокина, Ю. С. Старостиной, И. А. Стернина, О. Тоффлера, Б. А. Успенского, Э. Холла и др.).

С точки зрения аксиологического подхода, язык рассматривается как зеркало базовой системы ценностей социума (в её вариантах, свойственных различным социальным, идеологическим, возрастным и прочим страгам и группам) и важнейший источник информации о ней [13]. Утверждается, что ценности занимают в структуре языковой личности особое место [7, с. 166–205].

Согласно мнению Е. В. Бабаевой, ценности и нормы, тесно связанные с оценками, являются базовыми единицами аксиологической картины мира. Важнейшими средствами вербализации ценностей выступают прямые и переносные значения лексических и фразеологических единиц, универсальные высказывания, коммуникативные стратегии и тактики, а также тексты, фиксирующие результаты коммуникативной деятельности в конкретной ситуации общения, типы и жанры дискурса [2].

Ценности как фундаментальные характеристики культуры (В. И. Карасик) определённого социально-исторического периода ярко представлены в художественных картинах мира писателей и поэтов, являющихся выразителями национальных этико-эстетических, социально-политических, культурных и поведенческих ориентиров и идеалов.

Таким образом, изучение художественных текстов писателя с точки зрения выраженных в них авторских ценностных доминант в их оценочной семантике позволяет охарактеризовать его аксиологическую картину мира, отражающую духовную культуру носителей языка в её национально-культурной и субъективной специфике.

В этом отношении особый интерес вызывают авторы, чьи произведения вошли в золотой фонд национальной и мировой литературы. Так, значительный вклад в развитие русской литературы и в целом русского литературного языка внесли А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов и др. Исследование ценностных систем этих писателей, отражённых в их произведениях, позволяет не только описать их аксиологические картины мира, но и в целом охарактеризовать национальную аксиологическую картину мира в её становлении и развитии.

Особое место в русской художественной культуре занимает Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. В истории литературного языка писатель сыграл настолько заметную роль, что без тщательного изучения языковой ткани его произведений трудно понять процессы развития ведущих стилей русской художественной прозы и публицистики второй половины XIX в. Согласимся с мнением, высказанным А. И. Ефимовым: «Вобрав в себя все достижения национальной культуры образного слова, язык Щедрина представляет мощную и многогранную систему средств художественно-сатирического обобщения и обличения» [6, с. 7].

Творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина, язык его произведений вызывают неугасающий интерес исследователей. В работах учёных (А. С. Бушмин, М. С. Горячкина, Е. Г. Елина, А. И. Ефимов, С. А. Макашин, В. А. Мысляков, Д. П. Николаев, Е. И. Покусаев, Н. А. Попов, В. В. Прозоров, В. В. Смирнова, М. В. Теплинский, А. М. Турков и др.) освещены вопросы, связанные с этапами творческой и жизненной биографии писателя, с выявлением особенностей языка его произведений, индивидуального стиля, поэтикой, а также анализируются конкретные тексты автора, как художественные, так и публицистические.

Анализ последних публикаций. В публикациях последних лет находим новые подходы к изучению творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина. Так, о необходимости реконструкции творческого наследия сатирика пишет С. Ф. Дмитренко [4]. Проблемой переводов и рецепцией произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина в Венгрии занимается А. Дуккон [5]. П. Е. Янина рассматривает щедринские литературно-критические статьи, цикл очерков «Благонамеренные речи» и роман «Господа Головлёвы» как этапы в решении проблемы семейного кризиса, понимаемого писателем как один из ключевых вопросов современной российской действительности [16]. Активно изучаются мотивы творчества писателя: универсальные, библейские, пространственные, одиночества, холода и др. (А. А. Кудряшова, Н. П. Ларионова, Е. Ю. Омельницкая [8–11] и др.).

В настоящее время группа филологов (Е. Н. Строганова, И. А. Книгин, И. Ю. Матвеева, Н. А. Николаева, М. В. Строганов, В. В. Тихомиров) занимается созданием энциклопедии «М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники», словник которой включает имена русских и зарубежных писателей, политических деятелей, военачальников, священнослужителей, деятелей культуры, цензоров, книгоиздателей и др. [14].

Однако остаётся до конца не описанной специфика речевых средств и приёмов сатиры в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, составляющая основу его аксиологической картины мира, что и определяет **актуальность** и **новизну** данного исследования.

Цель статьи — охарактеризовать речевые средства и приёмы сатиры в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина, выражающие аксиологическую картину мира писателя.

Материалом для исследования послужили такие произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, как: «История одного города», «Господа Головлёвы», «Современная идиллия», циклы («Признаки времени»,

«Письма из провинции», «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы» и др.), сказки [12].

Изложение основного материала. Общеизвестно, что понятие «комическое» в научной литературе характеризуется как результат «разлада», противоречия: безобразного — прекрасного, ничтожного — возвышенного (Кант), нелепого — рассудительного (Жан-Поль) [15, с. 115]. В сатире, которая является проявлением комического в искусстве, в том числе и в литературе, и которая с помощью комических приёмов и средств (абсурд, парадокс, гипербола, гротеск, пародия и др.) обличает и высмеивает социальные и человеческие пороки и недостатки, наиболее ярко представлена ценностная система определённого этноса в определённый историко-культурный период.

М. Е. Салтыков-Щедрин — ярчайший представитель русской сатирической литературы, его произведения до сих пор не утратили свою актуальность и обличительную силу. Доказательством этому является не только интерес современной филологии к творческому наследию писателя, но и наличие многочисленных слов и выражений, придуманных им, ставших крылатыми и вошедших в состав русского языка. Например: *барашек в бумажке; благоглупости; вяленая вобла; гнилой либерализм; город Глупов; господа ташкентцы; забытые слова; закрыть Америку; Иван, не помнящий родства; Идудушка Головлёв; казённый пирог; капитал приобрести и невинность соблюсти; карась-идеалист; Колупаевы и Разуваевы; либо в рыло, либо ручку пожалуйте; мягкотелый интеллигент; недреманное око; Не потерплю! [Сокрушу! Разорю!]; не столько сражаться, сколько быть сражаемым; органчик; писатель пописывает, читатель почитывает; помпадур, помпадурша; премудрый пискарь (пискарь); применительно к подлости; республика без республиканцев; сие от меня не зависит; с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, нельзя не признаться; то ли конституции, то ли северюжчины с хреном хочется; Урюм-Бурчеев; хозяйственный мужичок* и др. [1, 3].

Художественный мир Салтыкова-Щедрина населён по преимуществу необычными героями, которые чаще всего оцениваются резко отрицательно. В зависимости от идейно-художественных заданий писатель обращался то к психологически сложному, глубокому жизнеподобию («Господа Головлёвы», «Мелочи жизни», «Пошехонская старина» и др.), то к гротеску и гиперболе, сатирической фантастике, эзоповскому иносказанию («История одного города», «Помпадуры и помпадурши», «Господа ташкентцы», «Сказки» и др.). Но все щедринские персонажи объединяются приметамы социальной

психології, собирательным, групповым или, как говорит сам писатель, «стадным», «гуртовым» началом в человеке. В его произведениях живут и действуют *глуповцы, головоотяпы, пенкосниматели, ташкентцы, пошехонцы, помпадурсы и помпадурши, пустоплясы*, которые имеют почти одинаковые социально-нравственные свойства и повадки: это администраторы-самодуры; казнокрады, рвачи, хапуги, наживающиеся за счёт государства; праздные и ленивые люди, склонные к взяточничеству, низкопоклонству, враждебностью ко всему, что выходит за рамки их обывательской жизни, к сплетням и клевете, боящиеся всего нового; наивные идеалисты и безответственные болтуны. М. Е. Салтыков-Щедрин, например, таким образом характеризует персонажей сатиры «Господа ташкентцы»: *«Ташкентцы» — имя собирательное. Те, которые думают, что это только люди, желающие воспользоваться прогонными деньгами в Ташкент, ошибаются самым грубым образом. «Ташкентец» — это просветитель. Просветитель вообще, просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало; и притом просветитель, свободный от наук, но не смущающийся этим, ибо наука, по мнению его, создана не для распространения, а для стеснения просвещения.* Зачастую писатель создаёт «нерасчленённые» образы, образы-характеристики: *легковесные люди, соломенные головы, складные души, сведущие люди, каплины мысли* и т. д. (циклы «Признаки времени» и «Письма из провинции»).

Прежде всего, ценностные категории в языке выражаются с помощью абстрактной лексики и оценочных слов. У Салтыкова-Щедрина абстрактные понятия становятся образными, а неожиданные сближения слов разных стилей рождают сатирический эффект. Так, к понятию *силлогизм* писатель прибавляет определение *плешивый*; *обстоятельство* в его художественном мире оказывается *оштаривающим*; *либерализм* — *распивочно-раскурочным*, *взгляд на жизнь* — *сторублёвым*; *благородство* — *куриным*; *роман* — *пахучим*; *убеждения* — *желудочными*; *тоска* — *гастрономической*; *воображение* — *золотушным*. Отрицательную оценку также имеют такие авторские словосочетания: *словесные подзатыльники, административный восторг, литературные клоповники, ржавчина привычки, рабий язык, дирижирующий класс, мироедских дел мастера, захопустья памяти, умственное и нравственное декольте, нравственное ожирение, умственное малокровие, газетно-журнальные ищейки, искренняя нелепость, блудливые литераторы, клоповная необузданность* и т. д.

М. Е. Салтыков-Щедрин активно использовал приём сатирического пародирования. Это, прежде всего пародии на названия обществ и наград: «Общество антиреформенных бунтарей», «Общество частной инициативы спасения», «Общество для предвкушения гармонии будущего», «Общество распространения благонамеренности», «Общество распространения бесполезных книг», «Общество благих начинаний», «Общество испуганных людей», «Кружок только что вылупившихся шалопаев», «Клуб взволнованных лоботрясов», «Медаль за спасение погибающего культурного общества» и др.

Пародируется также продукция этих «обществ»: проекты, диссертации, статьи, рассуждения. Например, «диссертация» на тему «Русская народная песня “Чижик, чижик, где ты был?” — перед судом критики»; рассуждение о «процессе поголовного освобождения от лишних мыслей, чувств и лишней совести»; «Метод мирного приведения рода человеческого в остолбенение»; статья «Может ли быть совмещён в одном лице промысел огородничества с промыслом разведения козлов?»; проекты — «Проект всеобщего обдирания», «Проект всеобщего уязвления», «Проект об эксплуатации собачьего помёта», «О расстрелянии и благих оного последствиях», «О необходимости оглушения в смысле временного усыпления», «О переформировании де сиянс академии», «Теория повсеместного водворения безмолвия»; сочинения — «О благовидной господ градоначальников наружности», «Мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем», «Устав о свойственном градоправителю добросердечии», «Устав о добропорядочном пирогах печени» и др.

С помощью философской, литературно-критической и вообще научно-терминологической лексики и фразеологии писатель не только пародирует научные жанры, придавая характер достоверности, научности текстам, но и выражает свои взгляды на современную ему действительность, социально-политический строй. Например, в статье «Московские письма» сатирик пользуется математической терминологией: «неизвестное принимается за известное»; очерки о «ташкентцах» начинаются в стиле научного трактата: *Исследования о «Ташкентцах» распадаются на две части: «Ташкентцы приготовительного класса» и «Ташкентцы в действии». Настоящим томом оканчивается первая часть, составляющая сама по себе отдельное целое.* В сказке «Орёл-меценат» находим: *Дятел был скромный учёный и вёл строго уединённую жизнь. Ни с кем никогда не виделся (многие даже думали, что он запоем, как и все серьёзные учёные,*

пьёт), но целые дни сидел на сосновом суку и всё долбил. И надолбил он **целую охапку исторических исследований**: «Родословная лешего», «Была ли замужем Баба-Яга», «Каким полом надлежит ведьм в ревизские сказки заносить?» и проч. Но сколько ни долбил, издателя для своих книжиц найти не мог. Поэтому и он надумал: «Пойду к орлу в дворовые **историографы!** авось-либо он вороньим издивением **исследования** мои отпечатает!»

В оценочной функции использовалась и церковно-славянская, книжно-беллетристическая лексика и фразеология: **В сём виде взятая задача делается доступною даже смиреннейшему из смиренных**, потому что он изображает собой лишь **скудельный сосуд, в котором замыкается разлитое повсюду в изобилии славословие** («История одного города»).

Авторские комментарии к употребительным в публицистике словам (газетизмам), касающиеся их идейно-тематической и экспрессивно-стилистической сущности, служат средством полемического воздействия и обличения: **Смешно и нелепо даже помыслить таковую нескладницу, а не то чтобы оную вслух проповедовать, как делают некоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагают, что они у них в голове, словно мухи без пристанища, там и сям вольно летают...** («История одного города»).

Оценочную функцию в текстах писателя приобретает и разговорно-бытовая лексика и фразеология. Сатирик часто расшифровывал казённые выражения «обыкновенным» языком: **Правящий класс, или шайка людей, втихомолку от начальства обжегоривающая** («Убежище Монрепо»); — **Вот вы давеча сказали: резкостей допускать не надо**, — продолжал Глумов, не унимаясь: — **а ведь в переводе на обыкновенный язык это значит: держи язык за зубами!** («Современная идиллия»); **Таким образом, я нахожу возможным изобразить: ... ташкентца, разрабатывающего собственность казенную (в просторечии — казнокрад); ташкентца, разрабатывающего собственность частную (в просторечии — вор)** («Господа ташкентцы») и др.

В щедринских произведениях достаточно часто встречаются оценочные просторечные и разговорные слова и выражения: **калякать, огрызаться, отбояриться, прихвастануть, струхнуть, якшаться, блажь, дрянь, забудыга, прихвостень, простофиля; ополоумевший, паскудный, шустрый, огульный; шабаш, тишком, сторожко; гусь лапчатый, гороховый шут, проглотить аршин, язык проглотить, задать баню, поджилки трясутся, клевать носом, в люди вывести, с**

жиру беситься, согнуть в бараний рог, мотать на ус, показывать кукиши в кармане и т. д. В контекстах: **Олух царя небесного!** Чижикиа съел! («Медведь на воеводстве»); Просто говорят: «Слышали вы про **остолопа**, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только **распостыльную** свою жизнь бережёт?» А многие даже просто **дураком** и **срамицом** его называют и удивляются, как таких **идолов** вода терпит; А он, не будь глуп, **во все лопатки** — домой! («Премудрый пискарь»); Среди этой общей тревоги об **шельме Анельке** совсем позабыли; Что с ним по пустыкам **лясы точить!** в воду его — и **шабаш!** («История одного города»).

Таким образом, с помощью приёма экспрессивно-стилистической оценки, создающего сатирический эффект, писатель характеризует современную ему эпоху, социально-культурный контекст времени, разные слои населения, выражает свои этико-эстетические и социально-политические взгляды.

Характерно для сатирика употребление свойственных народно-эпической речи тавтологических конструкций, в которых гиперболизируются описываемые предметы, признаки и действия: *конца краю нет, слыхом не слышать, мал-мала-меньше, тьма-тьмуцая, жить-поживать, день-деньской, судили-рядили, атамань-молодцы* и др. В контекстах: **Валили-валили** сначала без разбора, а потом один старичок глянул на него и говорит: «Какой от него, от малыша, прок для уха! пуцай в реке порастёт!»; Лежит он **день-деньской** в норе, ночей не досыпает, куска не доедает, а всё-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?» («Премудрый пискарь»).

С помощью разговорных конструкций сатирик формулирует мысли и взгляды описываемых лиц: *Да, мы, охранители, такую... ахинею за пазухой держим, то в нос бросится... да! Мужички, милые! что вы так заробели — спрятались! Вылезайте, не бойтесь! Покажите, какие-такие в вас русские начала сидят? Какой-такой здравый смысл? Ах, хорош здравый смысл!* («Пошехонские рассказы»). А также, изображая картины общественной жизни, излагает авторскую точку зрения, например, в «Пошехонских рассказах» железнодорожная и банковская горячка рисуется так: *Сколько сутолоки из-за одних железных дорог на Руси **развелось!** сколько кукуевских катастроф! Спешат, бегут, давят руг друга, кричат караул, изрыгают ругательства... поехали! И вдруг... паровоз на дыбы! Навстречу другой... Прямо в лоб! **батюшки!***

да никак смерть! Таким образом, нарисованные автором картины приобретают черты абсурда.

Для писателя характерно оценочное использование сочетаний терминологической лексики с просторечной и разговорно-бытовой: *теория вождения влиятельного человека за нос; теория ежовых рукавиц; теория Макаров, где-то телят не гоняющих, и ворон, куда-то костей не заносящих; теория благородного сидения сложа руки; теория «не твоё дело»; теория кукиша с маслом; теория тычков, теория хождения об руку с начальством* и др. Сатирическая направленности созданных автором выражений обусловила наличие в их семантике отрицательного оценочного компонента.

Приём взаимодействия слов и выражений различных стилистических систем (смешение стилей) не только служит задачам создания комического эффекта, но и выражению авторской аксиологической концепции, например: *Но он, пискарь-сын, отлично запомнил поучения пискаря-отца да и на ус себе намотал. Был он пискарь просвещённый, умеренно-либеральный, и очень твёрдо понимал, что жизнь прожить — не то, что мутовку облизать* («Премудрый пискарь»).

Не менее интересны щедринские приёмы словотворчества и фразеологического новаторства, тесно связанные с манерой эзоповского повествования и имеющие ярко выраженную оценочность: *лаятели, сгибатели, пенкосниматели, головоноги, внутренние турки* и др. Например, в «Истории одного города» описываются такие племена: *моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, чернонёбы, долбёжники, проломленные головы, слепороды, губоцилёпы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи*. Как видим, в значениях этих авторских новообразований содержится отрицательная оценка; писатель остро обличает пороки общества, высмеивает недостатки сограждан и их поведения.

М. Е. Салтыков-Щедрин в сатирических целях использовал приём семантизации слова: объяснял происхождение и значение слов, тем самым расширяя их семантическое значение: *Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тяпать» головами обо всё, что бы ни встретилось на пути. Стена попадётся — об стену тяпают; Богу молиться начнут — об пол тяпают... Поняли, что кому-нибудь да надо верх взять, и послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами тяпаться, пока кто кого перетяпает.* «Хитро

*это они сделали, — говорит летописец, — знали, что **головы у них на плечах растут крепкие** — вот и предложими». И действительно, как только простодушные соседи согласились на коварное предложение, так сейчас же **головотяпы** их всех, с Божьей помощью, **перетяпали**. И далее: «— **Глупые вы, глупые!** — сказал он, — не **головотяпами** следует вам, по делам вашим, называться, а **глуповцами!**» («История одного города»).*

Основа эзоповской манеры — полисемантизм слов. М. Е. Салтыков-Щедрин мастерски пользовался многозначностью слов русского языка. Согласился с мнением, высказанным А. И. Ефимовым: «... всякое расширение значения слов, обновление их содержания принимались Щедриным лишь в тех случаях, когда они не противоречили его мировоззрению и убеждениям революционного демократа, а также соответствовали внутренним законам развития русского языка» [6, с. 449].

Сатирик часто намеренно видоизменял соотношение значений слова и выдвигал на первый план второстепенные или переносные значения. Заявив, например, что глуповский губернатор был **недальнозорок**, автор оговаривается: *употребляю это слово не в обидном для этого сановника смысле, но просто желая выразить, что он **близорук*** («История одного города»). Эта «оговорка» лишь настораживает читателя, т. к. последующее описание губернатора целиком опровергает её. В «Убежище Монрепо» становой пристав Грацианов не рекомендует употреблять слово **поднять** (*дух*), мотивируя это тем, что это *праздное слово* можно толковать различно: «**Поднять**» — *можно всяко... понимаете: **поднять!*** Этот пример интересен перемещением значений, выдвижением на первый план значения, обладающего острой социальной окрашенностью.

Иногда сатирику недостаточно общеизвестных смысловых оттенков значения, он стремится раздвигать семантические границы слов, наделять их новыми значениями. Например, слово *поступать* в «Современной идиллии» поясняется так: *А потом, ведь под словом «**поступать**» нельзя же разуместь исключительно: совершить мероприятие; предписать, воспретить, дозволить, констатировать факт — тоже значит «поступать». Вот я и «**поступаю**», то есть констатирую факт.*

Часто слово в одном контексте используется сразу в двух значениях: и в прямом, и в переносном. Этим перекрещиванием значений создаётся оригинальная двуплановость слова. Например, слово *зарычало* в очерке «Охранители»: крепостник-помещик Терпибедов ворчит

по поводу неудач с именем, которое он хотел продать купцу, но последний отказался (*В твоём Монрепо не людям, а лягушкам жить*): «*Вот, сударь, как нынче бывшие холопы-то с господами со своими разговаривают!*» — *Он усиленно потянул дым, и мне показалось, что внутри у него словно что зарычало.* Это слово употреблено здесь сразу в двух значениях, т. е. в буквальном, физиологическом, и в переносном, социально-психологическом, что побуждает читателя к активному творческому восприятию.

Частотно употребление приёма игры слов. Вот, например, как употребляется *Ташкент*: *Боевая репутация Редеди была в значительной мере преувеличена. Товарищи его по дворянскому полку, правда, утверждали, что он считал за собой несколько лихих стычек в Ташкенте, но при этом как-то никогда достаточно не разъяснялось, в географическом ли Ташкенте происходили эти стычки или в трактире «Ташкент», что за Нарвскою заставой («Господа ташкентцы»).*

Приём словесных каламбуров основывается на созвучиях, дающих повод для сближений, замен, «описок» и т. д. Образцом сатирически оценочной «описки» может служить письмо от «Клуба взволнованных лоботрясов» на имя купца Парамонова и других, в котором извещалось, что, «... осведомившись о наших усилиях вступить на стезю благонамеренности, клуб по собственному почину записал нас всех шестерых в число своих членов, с обложением соответствующую данью на *увеселение* (описка, вместо: «*усиление*») средств» («Современная идиллия»).

В эзоповском лексиконе М. Е. Салтыкова-Щедрина выделяется слово *фюить*, означающее ссылку, поездку в места не столь отдалённые или, как выражался сатирик, *с Макаровыми телятами знакомство сводить*. Например, в «Пошехонских рассказах» читаем: *Прибывши на место, он по примеру своих предместников велел привести Андрея Курзанова и приказал ему «справедливые слова» говорить. Но едва начал Андрей: «тебе — кусок и мне — кусок», как Груздев на первых же словах его перервал. — Довольно! — сказал он твёрдо: — даю тебе два дня на исправление! / Через два дня Курзанов явился вновь: но так как, по-видимому, ум его окончательно заложило, то и на этот раз он начал: «тебе — кусок, мне — кусок...» / — **Фюить!***

Слово-выражение *пошёл!* формулирует сущность и характер администрирования, лишённого логичности, доказательств: *В бюрократическую практику мало-помалу начинают проникать прискорбные фельдъегерские предания. Ни «понеже», ни «поелику» — ничего*

уже нет; осталось одно безнадежное слово: «*пошёл!*»; чиновники ограничиваются фельдьеверским окриком: «*пошёл!*» («За рубежом»).

Многие слова в текстах произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина приобретают новые значения, становятся символами тех предметов и явлений, которые обличает сатирик: *жрать!* выражает идею хищничества, обмана и казнокрадства; *либерал* — негодяй; *скандал* — взрыв, переворот, ломка общественных отношений; *сила вещей* — произвол полицейского государства и домостроевского деспотизма семьи; *погодить* — прекратить обличительную деятельность, приноровиться, уметь во время помолчать. Эти и подобные им слова, наряду с аллегорическими образами, созданными М. Е. Салтыковым-Щедриным (*ташкентцы, глуповцы, карась-идеалист, премудрый пескарь, органчик, Угрюм-Бурчеев, Иудушка Головлёв, помпадуры и помпадуриши* и др.), имеют ярко выраженный лозунговый, полемический характер и являются важными компонентами аксиологической картины мира писателя.

Сатирическим целям служит и использование М. Е. Салтыковым-Щедриным идиом и паремий, которые, как известно, отличаются иносказательно-обобщающим значением и отражают национальные ценностные нормы и идеалы. Так, пословица «*На то и щука в море, чтобы карась не дремал*» служит отправным моментом для развития фабульной ситуации сказки «Карась-идеалист». Посредством разнообразных народных выражений показано устройство порядка в государстве в «Истории одного города»: *Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом телёнка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили, потом козла в соложёном тесте утопили, потом свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потом лапти растеряли да по дворам искали: было лаптей шесть, а сыскали семь; потом рака с колокольным звоном встречали, потом щужу с яиц согнали, потом комара за восемь вёрст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом батьку на кобеля променяли, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, потом беса в солдаты отдавали, потом небо кольями подпирали, наконец, утомились и стали ждать, что из этого выйдет.*

В оценочной функции писатель использовал общеизвестные народные перифрастические выражения: *гороховое пугало* — шпион, сыщик; *большой блошинный завод* — кутузка; *христова невеста* — старая дева; *Елабужский мещанин* — ханжа и др.

М. Е. Салтыков-Щедрин постоянно варьировал и дорабатывал фразеологический материал, наполняя острым оценочно-социальным значением. Так, среди *департаментов препои и комиссий несведения концов с концами* есть *отделение, где раки зимуют* (ср.: *показать, где раки зимуют*), таким образом высмеивается полицейская бюрократия. Сатирик расширял фразеологизмы за счёт включения в них новых компонентов: *Страхи рассеялись, урожаи почили за урожаями, комет не появлялось, а денег развелось такое множество, что даже куры не клевали их...* Потому что это были ассигнации («История одного города»). В одном из очерков рассказывается о написании статьи на тему: *«Может ли быть совмещён в одном лице промысел огородничества с промыслом разведения козлов?»* для газеты *«Вестник пенкоснимательства»*. Здесь наблюдается фразеологическое построение, отталкивающееся от афоризма *Пускать / пустить козла в огород: Ведь это даже за насмешку принять можно; можно подумать, что и «огороды» и «козлы» тут только для прилику, настоящее же заглавие статьи таково: «правильно ли поступает администратор, разводя в своём ведомстве либералов?»* («Дневник провинциала в Петербурге»).

Наряду с оригинально используемым материалом народной фразеологии, М. Е. Салтыков-Щедрин создал собственные иносказательные формулы, являющиеся результатом его фразеологического творчества и составляющие основу его аксиологической картины мира: *всеобщая хлестаковщина, тарелочное равенство, эпоха конфуза, убеждения затылка, применительно к подлости* (девиз либерализма), *недреманное око* и др. Так, выражение *эпоха конфуза* обозначает то время, когда дворяне и буржуазная интеллигенция, застигнутые врасплох реформами, «skonфузились» и не знали, что делать: *Я полагаю, что весь этот умственный маскарад, вся путаница понятий и представлений происходит от того, что мы вступаем, так сказать, в эпоху конфуза. Я не могу сообщить положительных сведений насчёт того, каким образом и откуда занесено к нам это новое в русской жизни явление. Известно, что мы прежде... никогда не конфузились...* («Сатиры в прозе»).

Выводы и перспективы исследования. Таким образом, аксиологическую картину мира М. Е. Салтыкова-Щедрина составляют лексико-фразеологические единицы общественно-публицистического, научно-терминологического, профессионального, разговорно-просторечного, церковно-славянского и книжно-балетристического характера, которые обладают оценочным компонентом значения или приобретают его в контексте.

С помощью разнообразных приёмов сатиры (экспрессивно-стилистическая оценка, полисемантизм слов, семантизация слова, игра слов, словотворчество и фразеологическое новаторство, взаимодействие слов и выражений различных стилистических систем и др.) писатель смело обновил традиционные связи в соотношении слов. Это новаторство в области словоупотребления позволяло ему значительно расширить и обогатить речевые средства сатиры. Вовлекая специальные термины в сферу общественно-публицистических или литературно-критических понятий, оригинально используя слова основного словарного фонда русского языка, писатель включал просторечную лексику в состав книжных средств выражения, пародировал официально-канцелярскую терминологию, оригинально усложнял смысловый объём слов и видоизменял в словах соотношение их основных и второстепенных значений. Сатирик блестяще пользовался сложной гаммой значений слова в целях пополнения и усиления средств художественно-сатирической выразительности.

Ценностная система М. Е. Салтыкова-Щедрина в текстах его произведений выражена посредством иносказательной речи — эзоповским повествованием.

Анализ речевых средств и приёмов сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина позволяет утверждать, что значение писателя в истории литературного языка определяется тем вкладом, который он внёс в принципы и способы литературного освоения всех богатств общенародного языка, насколько он раздвинул границы литературного языка и обогатил его новыми словесно-художественными средствами.

Считаем, что перспективным направлением исследования является целостное описание аксиологической картины мира М. Е. Салтыкова-Щедрина, что позволит не только охарактеризовать его мировоззренческую концепцию, но и будет способствовать составлению словаря писателя.

Список использованной литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. [4-е изд., доп.]. М. : Художественная литература, 1988. 528 с.
2. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: дисс. доктора филол. наук; специальность: 10.02.20. Волгоград, 2004. URL: <https://www.disserscat.com/content/lingvokulturologicheskie-kharakteristiki-russkoi-i-nemetskoi-aksiologicheskikh-kartin-mir>

3. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. М. : Издательство «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
4. Дмитренко С. Ф. М. Е. Салтыков-Щедрин после закрытия «Отечественных записок»: жизнь и творчество в культурно-историческом контексте // Культура и текст. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-e-saltykov-schedrin-posle-zakrytiya-otechestvennyh-zapisok-zhizn-i-tvorchestvo-v-kulturno-istoricheskom-kontekste>
5. Дуккон А. К вопросу о восприятии творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина в венгерской критике // Новый филологический вестник. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vospriyatii-tvorchestva-m-e-saltykova-schedrina-v-vengerskoy-kritike>
6. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина М. : Издательство Московского университета, 1953. 496 с.
7. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. С. 166–205.
8. Кудряшова А. А. Универсальные мотивы в русской автобиографической прозе XIX века: особенности стиля С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник угроведения. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/universalnye-motivy-v-russkoy-avtobiograficheskoy-proze-xix-veka-osobennosti-stilya-s-t-aksakova-i-m-e-saltykova-schedrina>
9. Ларионова Н. П. Мотив холода в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-holoda-v-romane-m-e-saltykova-schedrina-gospoda-golovlevy>
10. Омельницкая Е. Ю. Дом в системе пространственных мотивов М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале произведений 1880-х гг.) // Ярославский педагогический вестник. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dom-v-sisteme-prostranstvennyh-motivov-m-e-saltykova-schedrina-na-materiale-proizvedeniy-1880-h-gg>
11. Омельницкая Е. Ю. Трансформация библейских мотивов в романах М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ярославский педагогический вестник.

2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-bibleyskih-motivov-v-romanaх-m-e-saltykova-schedrina>
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в десяти томах; [под общ. ред. С. А. Макашина, К. И. Тюнькина]. М. : Издательство «Правда», 1988. (Библиотека «Огонёк»).
 13. Старостина Ю. С. Прагматический потенциал негативной оценки в английской стилизованной речи: автореф. канд. филол. наук. Самара, 2008. 28 с.
 14. Строганова Е. Н., Книгин И. А., Матвеева И. Ю., Николаева Н. А., Строганов М. В., Тихомиров В. В. М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: материалы проекта // Культура и текст. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-e-saltykov-schedrin-i-ego-sovremenniki-materialy-proekta>
 15. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М. : Просвещение, 1974. 436 с.
 16. Янина П. Е. «Женский вопрос» и проблема семьи в литературной критике, публицистике и романе «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-vopros-i-problema-semi-v-literaturnoy-kritike-publitsistike-i-romane-gospoda-golovlevy-m-e-saltykova-schedrina>